

БЕСЕДЫ УЧИТЕЛЯ

Беседа • 1

Человек, идя свой земной день, не может сравнением постичь сознания иного плана.

Ибо все его сравнения лежат в условностях плотных тел. Высшее же сознание, освобожденное от этих условностей, имеет ограничение лишь в самом себе. Ограничения человека Земли имеют в себе не только те формы из дерева, камня, железа, которые не может пройти его тело. Но человек имеет и ограничение страстями.

Без забот о пути человек не может своим телом проникнуть через плотные перегородки во внутреннее помещение жилищ своих встречных. Но раскрытая с разрешения дверь убирает все препятствия — он входит легко и просто. Как же обстоит дело у человека с проникновением в храм встречного — в его сердце? Только сам человек силою своей любви и чистоты может приникнуть своей любовью к любви встречного. И никакое разрешение не сольет его с мыслью, радостью и скорбью встречного. Только его собственное осознание себя единым со встречным может помочь ему встать не в положение зрителя и судьи, а друга и помощника.

«Не судите друг друга» — то стоит у всех перед глазами; то понимает каждый умом. Но только тот, кто сердцем устремится к радости или скорби встречного, тот выполнит этот завет.

А между тем первый признак начала освобождения, начала активной жизни в единении есть сила видеть в ближнем осколок Единого, не подлежащий твоему суждению, но приникать к которому чистотой твоей — вот назначение каждой встречи.

Нет оснований думать, что если ты восходишь к совершенству, то тебе необходимы особые условия. Нет особых условий, ибо каждому даны его условия; а следовательно, они так индивидуально неповторимы, как только могли Владыки Карм разбить оковы вековые человека. Все усилия Светлого Братства сводятся к принятию каждого в костер своей любви. Великое их милосердие разбивает молотом любви перегородки человеческих предрассудков и условностей, что каждый себе соткал. Они проносят зрение человека через века его дел и оставляют в нем такие следы, по которым его новая жизнь стремится пробиться через препятствия дня. И только поэтому то, что одному легко и просто, другому — мука. То, чем один заполнен в своем духе и красоте, — другому кажется бездельем.

Прочсть в сердце встречного его муку или радость можно только тогда, когда в тебе самом спокойное стремление дало силу духу. Если же в тебе шумит хотя бы ручей страстей, привлечь свое внимание к другой жизни почти невозможно.

Можно ли при этих условиях стать учеником? Как может человек принести не искривленной хотя бы одну мысль Учителя на Землю, если в нем царит не звон освобожденного сердца, а боль и неудовлетворение, борьба с самим собой?

Снимая с себя пустоту себялюбия и переключаясь на основу общего блага, человек ощущает радость от освобожденного в себе огромного кольца света, в котором сгоревшие страсти исчезли. Но свет этот не отгородил его стеною от общения с живым кольцом людей; он притянул к себе это живое кольцо, и переключилась мысль каждого на более тонкую и чистую материю духа в ауре. Ибо тот, кто мог удержаться в кольце твоего света, непременно сжег в нем хотя бы малую свою условность. Рассчитать логические ходы воспитания, как именно перенести свет на встречного, — невозможно. Ибо в делах духа логика одна для всех — Любовь. И сколько бы ты ни искал оправдания своему не особенно высокому поведению, не вышедшему из колец осуждения встречного, сколько бы ты ни говорил себе, что те, к кому ты пришел, еще низменны, еще полуживотны, ты знаешь, что сам ты входил к ним, не свет Учителя неся, а личность свою.

И не может человек сдвинуться с места, пока не научится разбирать перегородки в себе, чтобы условность и предрассудок встречного, не найдя опоры в тебе, осыпались сухой шелухой.

Живя в современном тебе обществе, где ты видишь весь недостаток воспитанности, что должен нести в себе ты, если хочешь научиться привлекать свое внимание к творчеству, а не к суете внешнего людей? Освобожденным от внешнего должен быть ты сам. Внешнее не должно ударять тебя по твоим больным местам, ибо во всем твоём сознании живут только сила, энергия, решимость сердца, и тебе нечем воспринять мелочь и бунт страстей.

Страсти коварства и искательства, жажда утопить тебя и пролезть выше самому — все трогает тебя лишь постольку, поскольку твоё сознание работает в освещении условности времени, а не в верности вечному труду Учителя.

Ты хочешь соединить чистую жизнь духа и требования условностей Земли. Но цель твоя?

Видишь ли ты в кольце твоих препятствий только способ твоего роста? Или ты стремишься их победить, чтобы семья твоя была сыта, чтобы жизнь твоего дня стала веселее и легче, благодаря условному пониманию удовольствий Земли? Чтобы отделиться от общения с массой людей, закрыть ход к твоим удобствам соседу?

Нет такого пути ученику. Ученик — это звено единения. На нем, через него старается пролить свет сознание Высшее, освобожденное. И только тот, кто это понял, может войти в группу учеников — двигателей мира в мир.

Беседа • 2

Трогательна беспомощность младенца и вызывает самое мужественное опекание своих близких, если в их сердцах живет милосердие. Так и ученик. Трогательна его беспомощность Учителю, и Он, видя верность ученика нерушимой, льет ему свою помощь и милосердие без условностей и ограничений со своей стороны. И только ограничения самого ученика,

выстроенные его колебаниями, нецельностью его мыслей, неуверенностью его, останавливают ученика перед Золотыми Вратами, то есть перед порогом знания. Ибо знание вытекает из освобожденных мест в сознании. Оно вырастает на гармонично звучащих волнах его действий.

Можно ли, живя на Земле, в суете огней и страстей человеческих, стать учеником? Быть может, надо где-то в особо чистых условиях сделаться учеником и потом вернуться к своим ближним, став им поддержкой и помощью? Нет. Никто не может стать закаленным вне своих условий и препятствий. И все условия и препятствия пойдут за человеком, если ему их необходимо победить, куда бы он ни ушел. Рассматривать период ученичества как подготовку к деятельности — такой же предрассудок, как думать, что человеку может повредить чистый воздух и солнце.

Нет условного обучения. Единственное условие, на котором растет всякое ученичество, — это гармония сил в человеке. Не следует думать, что ученичество начинается с того момента, когда Учитель дает ученику весть. Ученичество могло начаться еще за два воплощения, но отсутствие гармонии в ученике не дало возможности развить память о нем. И не отношение Учителя к ученику — мерило восхождения, а отношение ученика к окружающим и его к ним милосердие.

Утвердившись в мысли, что все — в себе, распознавая реальное и временное, человек строит первоначальную ступень к свиданию с Учителем.

Заставляя свое внимание всецело прикрепляться к совершающемуся «сейчас», ученик развивает бдительность. Но когда он ее развивает? Если приказом воли он концентрирует свое внимание — он способствует только более широкому развитию личности. Если же он скрещивает свое милосердие со вниманием и без всяких приказаний себе вглядывается, кто и что перед ним, — он забыл о себе; он прошел, минувший план страстей, в план духовного общения, хотя бы стоящий перед ним плакал и нес в себе бунт своих страстей.

Как будет общаться с ближними человек, не знающий орбиты действий Учителя? Видя горе, слыша стоны и жалобы, он будет тоже плакать, усилиями своих слез сочув-

ствия прорубая еще больше дыр в его и своей ауре. И своим волнением он проведет встречного еще глубже в план страстей. Ученик же, постигший всегда светлое мужество Учителя, обратит всю силу своей мольбы к Учителю. Все мужество его будет призывать в храм своего сердца, и, оставаясь в гармонии, он сможет помочь рыдающему встречному войти в свой центр силы, в свой заветный храм в себе — Любовь. И тогда, с каким бы бунтом страстей ни пришел встречный, он сбросит с себя хотя бы часть своего уныния и найдет силы прожить какое-то мгновение в относительном успокоении.

Если же он не смог подле тебя обрести просветления и, уйдя, жаловался еще и на тебя, возмущался, негодовал на твое бессердечие, значит он еще слишком далек от истинного понимания единения. Ему еще предстоит долго носить страстные покровы, и тебе, отдав ему весь мир своей гармонии, не стоит огорчаться неудачной встречей, а еще глубже закалить мужество и еще чище сойти в Учительской любви к следующей встрече.

Можно ли «отказаться» от активного действия, от встречи? Нет встреч случайных. И если ты в своем обиходе не нуждался бы во встрече, даже с вороватым слугою, ты не имел бы ее. Но не надо в мелочах обихода видеть знамение небес. Нельзя усматривать в мелких удачах и неудачах какие-то основания для глубоких своих действий. Ибо так дойдешь до суеверия, и оно вновь создаст пелену условностей и заведет тебя в тот лабиринт, из коего ты уже однажды выбрался.

Надо свои действия в дне так подпирать радостью единения с Учителем и окружающими, чтобы мелочь обихода не вплеталась суеверием в действия твои. Стоит ли видеть «предначертания» в том, что пуговица твоих туфель, оборвавшись, задержала тебя и ты опоздал на поезд, благополучно прибыв на следующем, и утруждать себя пустыми вопросами, зачем это доктор не смог меня принять сегодня? Зачем это я пришел случайно в чужой дом — все это праздное суеверие, неумелое распределение своих сил между временным и реальным, между условным и вечно движущимся в двух мирах.

Если бы ты видел в мелочи простое привлечение твоего внимания к легкости и ловкости через тебя и в тебе веселого и радостного состояния, где бы мысль о раздражении или суеверии не могла иметь места, то ты бы всюду нес в себе верность и уверенность.

Если бы основа в твоём храме была цельною, а не двоялась постоянно в колебании между истинною Жизнью и обывательскими пониманиями, твоей голове не угрожало бы наводнение от пустого разбора мелочей.

Путаница в человеке от сумбура всех не доведенных до конца мыслей — хуже метели и гололедицы. В сознании, привыкшем постоянно считать, что опека над ним идет извне, а не все, что и чем он опекается, внутри него, — предрассудок, победимый не менее тяжело, чем разъедающий тело микроб.

Тот, кто хочет войти в ученичество, прежде всего, борись с предрассудком суеверия, ибо он — одна из заноз, на которой прочно держится страх.

Беседа • 3

Разнообразны тропы людей, ведущие к постижению Истины в себе. Труден путь всех, видящих вокруг страдания, но не понимающих их смысла и цели.

«Слепому» человеку, привыкшему понимать жизнь серого дня как цель или как средство достижения внешнего блеска и карьеры, все, приносящее страдание и беспокойство, понимается как простое вмешательство чужой враждебной воли, которое надо победить натиском своей силы.

Мысль же о том, что встречи человека с встающими в дне на его пути препятствиями — его собственное творчество, никогда не приходит ему в голову. Мнение человека о своем встречном так низменно, что он всегда думает обмануть его бдительность. Ему кажется таким легким и даже признаком хорошего тона — обдать встречного улыбкой и вопросом о его здоровье, а в себе скрыть враждебное раздражение и досаду на несвоевременную встречу. Ему кажется, что он так глубоко скрыл свое лицемерие

и коварство, что никто и никогда не прочтет его истинных, живущих в сердце и мысли сил.

Но об ауре он или совсем не слышал, или совсем не понял. Ведь основа его собственных сил — только он сам. Творец своего счастья или несчастья — он сам, и никто и ничто другое.

Цвета ауры вероломного человека — исключительно оранжево-коричневые, переходящие в грязно-серо-зеленые. Среди них пробегают молнии багрового цвета, и в некоторых местах ауры висят опухоли из шевелящихся ужасных уродливых тел, коль мысли человека помогли их жизни. Убийственен вид элегантного, по последней моде одетого человека, если его лицемерие и двойственность разъели его ауру, если в храме его сердца данный ему талисман его счастья, его осколок Единого, не горит более, а лежит мертвым камнем.

Человеку, сумевшему потушить в своем храме даже искру Света, — нет пути дальше в человеческом образе. Он отдал свою духовную мощь зверям астрального плана, и в их среде ему придется продолжать свое дальнейшее путешествие. Но нет виновников его несчастья, он сам его творец. Каждое существо, сошедшее на Землю, оберегаемо так мужественно, как только могло чистое милосердие Владык карм пробить человека путь среди созданных им самим себе препятствий и врагов.

Настало время человеку понять, в чем его сила и в чем его слабость. Можно быть слепым и не понимать вечности жизни и циклов ее в условиях всегда изменяющихся соотношений каждой цепи движения вечного. Но в себе необходимо сознавать Любовь не только как чувственное действие или долг, но еще как жалость и как радость. Имеющий жалость и умеющий сострадать, не давая встречному чувствовать снисхождения и превосходства своего, уже раздул искру своего огня, и она не потухнет веками.

Сумевший действие своей жалости перелить в мужественную помощь смог запечатлеть образ свой в тех записях вечного, где нет конца достижениям и где подъем к совершенству может совершиться и без всяких «знаний».

Знание? О, сколько умствующих, чьими рефератами и статьями завалены полки, где их разъедает пыль, прошли

из воплощения в воплощение, истратив энергию жизни на сведенья, не давшие ни одному человеку радости. Через века и века вскрывается в них все та же жажда знания, недвигающая их с места. И милосердие Владык Карм ввергает их, наконец, или в круг страшных страданий, или в среду, где им прививают атеизм, и через атеизм они просыпаются к Истине.

Знание — даже знание истинное — оставляет многих без яркого движения вперед, ибо запутываются они в схоластике книжных изложений, не имея в себе двигающихся чакрам, огонь которых дал бы им зрение и слух, помог бы проверить Истину книг силою жизни Истины в себе.

Ученик, достигший теми или иными способами возможности беседовать с Учителем или еще более Высшим Сознанием, должен трудиться над своим вниманием и так воспитать его, чтобы верность внимания тому направлению, куда его, ученика, однажды привлекла озаренная гармония, была цельна.

Нет смысла гнаться за новыми и новыми потоками слов Учителя, если колебания, сомнения, отрицания одного в данной книге и принятие другого составляют весь смысл прочитанного и выливаются в страстную критику. Нет распознавания там, где есть такая критика. Ибо эта критика рождается не из огня мысли и сердца, слитых гармонично в спокойствии, но из страстей, в которые вплетено личное.

Только тогда сможет человек бдительно распознавать, в чем сила или слабость прочитанных им слов, если в его сердце не загорается мутное желание отбросить одно, как ему не пригодное, и принять другое, как ему подходящее.

Если он в себе не несет пристрастия, а только сознает, что в одни слова он проник творчески, другие же еще не смог пронизать своею любовью, то он на верном пути, единственном, где можно постичь Мудрость.

Переходы по ступеням ученичества никогда не бывают легкими. Но как бы они ни были трудны — свет в ученике должен гореть всегда ровно. Только при ровном свете, при отсутствии раздражения, можно двинуться в тот путь, где встреча с Учителем дает начало к движению в вечном.

Беседа • 4

Силы человека не нарастают от постоянно проводимой логики во всех внешних делах. Двойственность человека, имеющего маску для всех и в себе затаенное место, священное «для себя», не есть жизнь. Ибо жизнь есть гармоничное слияние мысли и сердца, а также их гармоничное действие вовне.

Путь утверждения в себе тех или иных сил необходим именно потому, что в своем храме огонь их усиливает все возможности действий в единении, — вот путь тех, кто хочет пронести в чистоте и честности свой труд дня.

Массы? Личность? Как найти свое место среди масс, которым в современную эпоху, как собирательной силе, принадлежит слово в действиях дня? Как раскрыть в себе так широко двери сознания, чтобы не путаться между индивидуально достигнутой и недоступной для масс высотой твоих действий, что ты обрел в огне твоей мудрости?

Если действия твоего творчества истинно рождены мудростью и гармонией, они доступны и понятны всей трудящейся массе твоей эпохи. Мало того, чем больше ты пережил высоких страстей, чем чаще ты достигал героического напряжения, тем роднее ты массам окружающих людей; ибо красота твоего гения влечет толпы за собой, как и всякое высокое сердце покрывает ближнего, если его красота перелита в мудрость действия.

Никто из истинно одаренных не имеет сомнений. Ибо верность таких людей своей идее равна самой силе их жизни.

Только тот, кто не отдал своему труду всего внимания, будет стоять в раздумье: «Кому нужен мой труд? Да и весь мой путь нужен ли и верен?» и т. д. Не имеет значения, сколько ты смог развить в себе дарований. Ибо все твои дарования — только тобою же привлеченное когда-то внимание к ним.

А важно то, как ты развивал свое внимание. Что ты имел в виду, его развивая. Все это не составляет программы дня, это составляет вечное приложение тобою сотканного покрывала, которым скрыты от тебя Золотые Врата освобождения.

Нет программ, которые были бы предписаны человеку, predeterminedены свыше. Есть его неизменное творчество, где невозможно обойти или миновать ни одного действия.

Ибо все они идут по единственному закону создания Вселенной — Закону причин и следствий.

Дух есть материя, и жизнь этой материи идет по тому же Закону причин и следствий. Нет исключений из этого правила, есть только радость, которая может с быстротой молнии поглощать тысячи причин и рассыпать их прахом, и только ею одною можно побеждать в себе эгоизм, и только ею одною можно направить на верную тропу свое внимание в общении со встречным.

Если раздвоенность встречного, его мелкая мысль, его почти непонимание цельности, его приспособление к текущему дню ложью и условностью дают тебя, то ты мало умел поставить колонну своей соизмеримости между трудом Учителя и своим. Расмейся весело и постигни слабость своих сил. И рост твоей силы будет прямо пропорционален твоему сознанию в себе первой основы встреч единения.

Как только поймешь, что слабость твоя была в том, что ты не видел во встречном осколка Единого, так вырастет твое мужество, и найдешь так Учителя, что поддержит и тебя, и встречного в Любви. Приложить к делу все знания — это значит уйти от условностей. Ибо здравый смысл разбирания перегородок состоит в том, чтобы увидеть путь мира, в котором может твое творящее сердце помочь освободиться, хотя бы пред тобою, сердцу другому.

Но ни ты, ни встречный не сможете избегнуть неловкости и натянутости, если сердце твое не освобождено от личного, если в нем какие-то ноты еще могут быть задеты условной раздраженностью другого.

Беседа • 5

Перенося тяжело свои обстоятельства дня, человек не выходит на те тропы, где может начаться его освобождение. Только высокое понимание, что сила радости кует мост к возможности сбросить с себя те или иные оковы, только постоянно бдительное принятие всех своих обстоятельств может расширить и раскрыть перед человеком настоящую возможность понять, что его угнетает в текущем дне.

Раздражение. Откуда оно берется иногда даже по отношению к людям, в которых только их любовь им диктует те или иные поступки? Почему бестактный поступок встречного, о котором ты знаешь, что он только любовью горит к тебе, тебя раздражил? Неужели так трудно тебе обратиться в юмор его неловкость и пройти этим юмором над пропастью разъединения? А ее ты непременно вырастишь своим раздражением.

Осознай твердо, что пора детскости и неуравновешенности миновала. Что нельзя безнаказанно вводить в текущий день те или иные токи своего эгоизма.

Осознай навсегда, что раздражение есть тот фон, на котором ты сам плетешь все темные кружева, и с твоей помощью астральные тени слизывают все твои лампадные огни, и фитили твои копят.

Можешь ли, окруженный вздохами и мольбами жадных к твоему гневу теней, встретить гармонией и благоговением Учителя?

Развивая бдительность, надо ясно понять, что на эгоизме ты ее не вырастишь. Бдительность есть приложение всего внимания к тому, с кем или с чем ты имеешь дело сейчас. Бдительность есть порождаемая тобою сила. И если эта сила рождена тобою на костре страстей, она будет так же кривобока, как ты сам, когда из твоей ауры выпирают комья, окутанные паром. И если ты уже носишь в себе болезнь или слабость организма, нажитые твоими неправильно понимаемыми «достоинствами» и раздражением, то общение с тобою для гармонично звучащих людей так же небезопасно, как общение обычных людей с буйными помешанными.

Начало бдительности может родиться только у тех людей, которые ясно поняли реальное не как идею, но как действие простого дня. Если человек носит в каком-либо из карманов идеи верности Учителю, если в другом его кармане лежат идеи вечной и единой Жизни, а в третьем — понимание единения, но в его собственном храме сердца нет жизни, и все его «идеи» сочетаются в разговорах, а дела выражают только раздражение, муть, горе о себе и встречном, то он просто добрый хранитель не принадлежащих ему сокровищ. Он, может быть, даже с удовольствием отстегивает пуговицы

своих карманов и показывает встречным все эти сокровища. Но и встречный, полюбовавшись ими, пойдет дальше по своим делам, холодно подумав о непригодности и тяжести столь мало практичных фетишей.

Нет такого пути ученику. Ученик не привратник идей Учителя, а он — соратник, сотрудник в деле дня, и нет тяжелых дел и встреч тому, кто видит в них дела и встречи своего бескорыстного друга — Учителя.

Внимая всей симфонии Вселенной, всему организму Единого, можно расти в духе, только живя всем своим организмом.

Только соединив в бдительности все свои начала — и божественное, и человеческое, и Учительское, силу в радости, — можно двигаться в своем росте.

И тогда рост духа не знает условностей, и никакие условия не могут поразить сил человека или ослабить здоровья его тела и энергии, тела и духа.

Сплетаясь мыслью и сердцем со всем Светлым Братством, ученик не может ни лить слез, ни думать, что что-нибудь, кроме него самого, встает препятствием в его ученичестве.

Нет такого ученичества на земле — в чем бы оно ни выражалось: в науке, в технике, в искусстве, — где бы не требовалось практическое применение к делу. Также нет и духовного ученичества без применения к практике его совершенств.

Чем же ученику огорчаться, если он не смог сразу применить к труду самовоспитания и в помощь к воспитанию встречного все те силы, что он уже смог развить в себе, идя в гармоничной любви Учителя?

Скорби нет места. Но есть место движению в более широкое сознание, все более освещаемое огнем Любви в себе, для верности Учителю, для радости в сотрудничестве с Ним.

Беседа • 6

Трижды призывается человек к сознательному отношению к протекающей его земной жизни. В первый раз, когда кончается его младенчество и он впервые самостоятельно начинает

постигать логику Земли. Этот момент у всех наступает в разное время. Детская логика и энергия начинают действовать самыми разнообразными способами, что зависит от прежних воплощений, которые были завершены не миром и не радостью с кем-либо из окружающих спутников нового воплощения. Ни одно схождение в воплощение не может совершиться случайно, не тая в себе связи с теми людьми, где начата новая жизнь. И впервые движение активной мысли начинается тогда, когда выбор любви и ненависти детства сделан. Если младенец не соткал гармоничного кольца в своих предыдущих жизнях, он вернется на Землю вновь в кольцо дисгармонии.

Второй зов — выбор сознательного труда и любви личной. Здесь действие человека развитого и сложившегося физически все же может еще не иметь полного роста духовного. Хотя силы ума и сердца развиты, но их мужество может спать, а жить могут чувственность и ум, не идущие далее личного. Образование семьи как ячейки гармонии также может лежать только грузом личности. Ибо в зрелом человеке преобладает его физическая часть над божественною.

И третий зов человека, концентрация всех его сил, кульминационный пункт всей его жизни, гармония и радость хотя бы на единое мгновение — это смерть.

Эти три ступени не минуемы никем. Их значительность, их близость друг к другу — все зависит от возможностей, создаваемых самим человеком, где только силы мысли и сердца, творящие в гармонии, являются указателями времени достижения той или иной ступени.

Нет сил, подталкивающих извне человека. Нет тех или иных препятствий, по которым можно было бы судить о счастье или несчастье человека, ибо каждый, сходя на Землю, имеет в лице своего элементала как бы табличку, написанную Владыками Карм. И на этой табличке обозначены минимальные возможности человека. То же, чего он может достичь, является Светом его пути, где нет предела. Все в себе всегда сходит живым и светлым на Землю. Все в себе — как лента алая соединяет младенца с элементалом до семи лет, и через элементала каждый соединен с тем Владыкой Кармы, в чьем округе он рожден.

СОДЕРЖАНИЕ

Беседы учителя	3
Наставления Кругу	43
Наука радости	
(Из записей Бесед Учителя с К. Е. Антаровой)	81
Наставления Кругу	113